

«ХВАЛА ТЕБЕ, СЛАВЯН ЛЮБОВЬ!»

Евгений Иванов

Перед войной 1812 г. генерал-лейтенант Петр Петрович Коновницын был командиром лучшей в русской армии 3-й пехотной дивизии, входившей в состав 1-й армии Барклая-де-Толли. Дивизия располагалась в районе Вильно, и с Коновницыным находилась его семья — во всяком случае, супруга — точно. Буквально с началом войны она выехала в Кярово (сейчас Гдовский р-н Псковской обл.) — именно оно и становится адресом переписки Коновницыных.

1812 год стал звездным часом П.П. Коновницына. Он шел вместе с 1-й армией и участвовал в боях; оборонял Смоленск, где был ранен. Затем командовал арьергардом объединенных русских армий, отступавших к Бородину. В Бородинском сражении заменил раненого Баграциона, а потом — убитого командира корпуса Тучкова. Его стремительность, одержимость в бою поразили поэта Жуковского — «певца во стане русских воинов»:

Хвала тебе, славян любовь,
Наш Коновницын смелый!..
Ничто ему толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы;
Пред ним, за ним перун гремит,
И пышет пламень боя..
Он весел, он на гибель зрит
С спокойствием героя;
Себя забыл... одним врагам
Готовит истребленье;
Пример и ратным и вождям
И смелым в удивленье.

И не случайно И.П. Липранди, один из самых информированных людей своего времени, отмечая удивительную скромность, даже кротость Коновницына в обычных условиях, говорит, что в бою он преображался и становился «львом в самых опасных местах».

В течение всей войны между супругами через Кярово и Петербург велась интенсивная переписка. Приведу здесь лишь 2 письма времени Бородинского сражения.

Петр Петрович — Анне Ивановне, 27 августа:

«Я два месяца мой друг милой ни строчки от тебя не имею, оттого погружен в скорбь сердечную и отчаяние. Утешаю себя только тем, авось все сообщения прерваны и оттого письма не пересылаются. Дай Боже, чтобы сия причина была твоему молчанию! Но страшусь, чтоб не было другой. Друг ты мой сер-

П.П. Коновницын.
Художник О.А. Кипренский, 1810-е гг.

А.И. Коновницына.
Художник (?) Максимов, 1820-е гг.

дечной, жива ли ты! Бог мой не разлучи меня единой в жизни отрады. Ах, что дети, живы ли они, я себе уже все несчастья и злосключения представляю. Черные мысли следуют за мною повсюду, даже и в делах жестоких...

Обо мне ты нимало не беспокойся, я жив и здоров, а счастлив тем, что мог оказать услуги моему родному отечеству; Монтандр тебе многое расскажет, чего описать некогда, да и памяти не станет. Я был в четырех делах жарких прежде, после того десять дней дрался в авангарде и приобрел все уважение от обеих армий. Наконец, вчера было дело генерального сражения, день страшного суда; битва, о коей, может быть, и примеру не было. Я жив чего же тебе больше, и спешу тебя сим порадовать. Монтандра продержи у себя хотя с неделю или нет, мой друг, обрадуй меня, что ты с детьми жива как наискорее! Успокой мученный дух мой.

Я команду корпусом. Тучков ранен в грудь. Тучков Александр убит. Тучков Павел прежде взят в плен. У Ушакова оторвана нога. Дризен ранен, Рихтер тоже. Раненых и убитых много. Баграгион ранен. А я ничуть, кроме сюртука, который для странности посылаю. А больше удивляюсь величию Божиему.

Раздели печаль мою о моем добром товарище о славном офицере, о преданном мне человеке. Сейчас мне приводят лошадь моего доброго Гавердовского, он или убит, или в плену, чтоб достоверно узнать постараюсь послать парламентаря, как меня сие крепко огорчило. Как он мне служил в авангарде, и был уже генерал квартирм(ейстер) армии. Какую он славу себе уже приобрел и армия его лишилась. Потеря точно велика. Как я желаю, чтоб он был жив. Но едва ли он живет. Не оставь его жену и детей. Я буду всемерно о сем стараться.

Не грусти ты обо мне, я жив и был бы довольно счастлив, если бы только ты с детьми была жива и здорова.

Дивизии моей почти нет, она служила более всех, я ее водил несколько раз на батарее. Едва ли тысячу человек сочтут. Множество добрых людей погибло. Но все враг еще не сокрушен, досталось ему вдвое, но все еще близ Москвы. Боже, помоги, избави Россию от врага мира.

О моих разных подвигах понаслышке на миру тебе уповаю расскажет Монтандр. Лицом в грязь не ударил. А не пишу ничего, чтоб не показать хвастовства. Да теперь, правду сказать, и не до того. Не хочу чинов, не хочу крестов, а единого истинного счастья быть в одном Квярове неразлучно с тобою. Семейное счастье ни с чем в свете не сравню. Вот чего за службу мою просить буду. Вот чем могу только быть вознагражден. Так, мой друг. Сие вот одно мое желание. Расскажи все, покажи все Монтандру, пусть он мне о всем твоём житье-бытье расскажет. Я буду несколько дней его расспрашивать о всех подробностях, что у тебя и около тебя.

В ноябре непременно к тебе буду, верно отпустят, что я приму во много всех наград. Милый мой друг, сердце бы тебе свое вынул, ра-

Кярово. Церковь Покрова Богородицы, XVIII в.

Надгробия А.И. и П.П. Кововницких
в ц. Покрова Богородицы

дость моя, будь жива с детьми, береги себя, вот все чего желаю и молю Бога.

Помолись заступнице нашей, отслужи молебен. Богоматерь Смоленскую я все при дивизии имею. Она меня спасет.

Ну прощай, мой друг, писал бы пять листов, да устал, и не спал ночь, и спешу тебя известить. Что Лиза, ее кашель? Петруша, Ваня, Гриша. Напиши особенно о каждом. Что пятый, стучит ли? Перекрести их, благослови, прижми их к сердцу, и скажи, что я постараюсь оставить им меня честного отца и патриота. Целую, тебя крещу. Прощай, мой друг. Еще раз тебя обнимаю и емь пока жив, пока кровь в жилах, тебе верный и преданный друг П. Коновницын.

Чрез штаб-офицера фельдъегерского всегда писать можешь и посылки присылать, о чем к тебе писал. Я через его 20 писем переслал, и ни на одно не имею ответа.»

Анна Ивановна — Петру Петровичу, 5 сентября:

«Чудесно Бог милосердный спас тебя, мой милый неocenенный друг, что воздадим Всевышнему, Господи, обрадуй нас миром непостыдным, однако ж, Господи, возврати тебя в твоё семейство здорового, единого сего мы все просим и молим. Как все твои люди рыдали, видя твой сюртук. Пишу в Петербург, чтобы тебе на вате сшили. Ваню посылаю с матерью повидаться, а это авось фельдъегерь доставит. Не знаю как к тебе адресовать, пишу беспрестанно, чудно, как мои письма не доходят. Господи, утешь тебя сим, я жива, и Бог меня в страданиях подкрепляет.

Дети совершенно здоровы, рыдали мы все по Гавердовскому, истинного друга лишились. Господи подкрепи его жену, страшусь за нее и помози нам быть полезну его детям. Но тело его не найдено, авось он еще жив, Господи, спаси его. Тучкова бедная, Ушакова. Всех оплакиваю и молю Всевышнего, чтобы тебя сохранил, Владычица Смоленская помози, сохрани тебя. Еще думаю, были или будете в жарком деле, спаси тебя, Господи. За тысячу спасибо, смело поеду в Питер и Бог даст тебе чадо, утешение на старости будет тебе. Ах, доведи нас Бог пожить вместе. И утешиться детьми милыми, добрыми. Ах, как они чувствуют, особо Лиза, как молят за тебя, моего друга, да сохрани тебя Всевышний, ты единое мое блаженство в свете, вся мысль моя тобою наполнена, все наши и лю-

ди даже, и Верхолянские молят навеки о тебе. Друг Аннушка.

Сегодня маменька благословила меня Смоленскою Божией Матерью».

В знаменитом издании «Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.П.Щукиным» (М., 1904) опубликовано 22 письма генерала и 25 — его жены. Это, конечно, не все, что было написано супругами, — многое не сохранилось (иногда Анна Ивановна писала до четырех писем в день), но и уцелевшие говорят об исключительном взаимопочтении и нежной любви супругов, обоюдно поддержке и переживаниях за Отечество.

Писали отцу и дети — Лиза и Петя. Письма их необыкновенно трогательны. Вот коротенькое восьмилетнего Пети — вероятнее всего, писано оно в августе 1812 г., когда в Кярово после жестокого Бородинского боя заехал сослуживец генерала Монтандр: «Милой папинька мы уже месяц как в Кярово мондандр к нам вчерась приехал и я видел твой сюртук он весь изодран я плакал прощай любезный папинька целую твои ручки и прощу твоего благословения Ваня и Гриша целуют твои руки твой сын П.К.».

Можно представить, какие чувства вызывали в отце такие письма!

Желание Коновницына повидать семью исполнилось только зимой 1813 года, но после zahraniчных походов в Кярово Коновницыны появлялись лишь эпизодически, в связи с какими-то обстоятельствами, хотя очень любили это свое имение. Постепенно в нем появляются и памятные знаки. Так, генерал поставил в парке памятник своему другу, полковнику Я.П.Гавердовскому, погибшему на Бородинском поле. Петр Петрович сам сочинил стихотворение — оно выбито на этом памятнике (записная книжка П.П.Коновницына с этим стихотворением и рисунком хранится в Государственном Историческом музее).

Значимость этого памятника состоит еще и в том, что тела Гавердовского не нашли, поэтому нигде нет и его могилы.

О масштабах личности П.П.Коновницына говорят слова генерала Е.Вюртембергского, соратника его по войне 1812 года: «По своим высоким качествам Коновницын мог бы занять место между самыми яркими созвездиями блестящей эпохи Наполеона, — и не затемнил бы их славу».

Страничка записной книжки П.П.Коновницына. Публикуется впервые

